

1

— Отойди от борта! Ветер!

— Нет, мама. Так хорошо!

— Слушайся меня! Я знаю. Кожа обветреет, покраснеет, еще шелушиться начнет. А где мы тут найдем льняное масло?

Девушка подавила вздох.

— Я недолго, мама.

— Хорошо. Но хотя бы встань так, чтобы солнце не попадало на щеки. Повернись боком!

— Не трогай ее, Елена. — В беседу двух женщин вклинился мужчина. — Девочка совсем взрослая. Позволь ей решать самой.

Владислава прикусила губу и поморщилась, пользуясь тем, что мать сейчас не видит выражения ее лица. Мягкий бархатный голос отчима действовал на нервы с того самого дня, когда этот мужчина появился в их жизни. Еще встретив его на детском балу у князя Варского, девушка почувствовала безотчетный страх. Этот высокий, плечистый мужчина с гордой посадкой красивой головы был опасен, как дикий зверь, вышедший на охоту. Любая девушка могла оказаться его жертвой — и, откровенно говоря, многие мечтали об этом. Но он выбрал жену князя Загорского. Наличие у нее супруга и тринадцатилетней дочери только подстегнуло его охотничьи инстинкты.

С того дня миновало долгих четыре с половиной года. Княгиня Загорская со скандалом разошлась с мужем и меньше чем два месяца спустя стала женой князя Михаила Чаровича. Дочь Владислава осталась с матерью и звалась теперь Загорская-Чарович, страстно мечтая о том времени, когда ей можно будет выйти замуж и сменить эту ненавистную фамилию на любую другую.

— Пока она несовершеннолетняя, только я буду решать, что для нее лучше, — категорично высказалась мать.

— Успокойся, Елена. Подумай о своем здоровье, — с преувеличенной заботой промолвил ее муж и добавил, обращаясь к девушке: — А тебе, Владочка, стоит больше выказывать уважения к своей матери. Сейчас ей вредно волноваться!

Девушка вспыхнула, краснея до корней волос и всеми десятью пальцами вцепившись в поручень. Княгиня Елена Чарович ждала ребенка, и на этого младенца возлагались большие надежды. Если родится мальчик, она, Владислава, может остаться без наследства. Она и так уже в тягость родной матери, а что будет через каких-то три-четыре месяца?

Княгиня Елена тяжело переносила свою долгожданную позднюю беременность. Первые недели она лежала пластом, не в силах пошевелиться, и даже хотела причащаться, как перед смертью. Но потом ее состояние улучшилось настолько, что доктор прописал ей для поправки здоровья отправиться в небольшое путешествие. Он рекомендовал княгине больше бывать у воды, хотел вовсе отправить ее на море, но Елена не желала рисковать. Но и совсем пренебрегать полезными советами тоже не стала, и, едва дождавшись начала сезона, семейство Загорских-Чаровичей отправилось в небольшое путешествие.

Пароход «Царица Елизавета» шел по Волге, останавливаясь у небольших городков, чтобы пассажиры могли сойти на берег и немного поразмяться. Ибо, хотя на корме постоянно играл военный оркестр, чередуя легкую музыку с классическими произведениями, в специально отведенных комнатах можно было сыграть в вист, а общество подобралось солидное, все время проводить, гуляя по палубе и созерцая берега, было скучновато. Пароход шел от пристани к пристани, на небольших задерживаясь примерно на час-полтора, а в крупных городах и до четырех часов, так что путешествие могло продлиться еще несколько дней.

Владислава маялась от скуки и тревоги. Здесь было некуда деться; пока училась в гимназии, она могла полдня и даже больше проводить там или отправляться заниматься к подругам. Возвращаясь вечером и отговорившись усталостью и подготовкой к дополнительным занятиям, сразу после ужина уходила к себе. Здесь же, вынужденная жить в смежной каюте с матерью и отчимом, она поневоле постоянно общалась с этим человеком.

Пытаясь хоть как-то отгородиться от Михаила Чаровича, девушка целыми днями гуляла по верхней палубе, делая вид, что ее чрезвычайно привлекают красоты проплывающих мимо земель. Леса и заливные луга, поля, деревеньки, рыбацьи лодки, небольшие городки с плавучими пристанями, встречные суда — все это девушка впитывала глазами, любуясь жадно, как будто это последние дни ее жизни на земле.

Мимо нее прогуливались скучающие пары, мужчины и женщины, иногда с детьми. Дети тоже маялись от скуки — на тесной верхней палубе ни побегать, ни пошалить. Няни и гувернантки пытались чем-то увлечь маленьких подопечных, но не всегда успешно. Впрочем, детей было мало, и Владислава втайне этому радовалась. Эти малыши напоминали ей о том ребенке, который через несколько месяцев появится на свет. Сын или дочь ее матери и отчима, тот, которого она заранее не любила.

Девушка в одиночестве стояла у борта, глядя на проплывающий берег. До него было не так уж и далеко — Волга в среднем течении не настолько широка, как внизу, да и пароход старался держаться поблизости от берега. До росших у самой воды деревьев и речной травы было не больше трех десятков саженей¹. Достаточно, чтобы любоваться красотами природы.

За спиной звучали негромкие голоса. Разговор тек плавно, то замолкая, то приближаясь. Владислава почти не прислушивалась к пустой болтовне.

- ...Еще полтора часа — и будет Дмитров. Скорее бы!
- Вы сойдете на берег?
- Да, за утренней газетой.
- Надеетесь узнать новости?
- Да. Вы слышали, что писали в вечерних «Ведомостях»?
- Про загадочные исчезновения?
- Да. Там сказано, что полиция напала на след. Мне интересно, появились ли новые подробности в этом деле?
- А сами-то вы как думаете?
- Этот Юлиан Дич такой странный субъект! Он убежден, что все это — дело рук каких-то сверхъестественных существ.
- Колдунов и ведьм?
- Почему бы и нет?
- Но помилуйте, уважаемый! Ведьмы — это прошлый век. Вы бы еще графа Дракулу и вервольфов вспомнили. Сказки!

---

¹ С а ж е н ь — мера длины. Здесь равна 2 м 10 см.

— Но Юлиан Дич считает...

Голоса затихли. Два пассажира, судя по всему, отцы семейств, ненадолго оставившие жен и детей, отошли к корме, где шлепали по воде два больших колеса. Но скоро рядом снова слышались голоса.

— Вы читали эту кошмарную статью? Напишут же такое на ночь глядя! Я до полуночи не спала. Горничной пришлось готовить для меня капли, мне все мерещилась кровь...

— Успокойтесь, графиня.

— Вам легко говорить! «Успокойтесь!» — Худощавая дама в старомодном платье и высоком парике, которые вышли из моды, наверное, при предыдущем царе, энергично обмахивала веером свое узкое набеленное и нарумяненное лицо. — А я глаз не сомкнула! Этого следователя надо под суд отдать за то, что рассказывает подобные ужасы!

— Да, но некоторым нравится смаковать подробности. Радоваться, так сказать, что у них-то все благополучно...

— Отвратительно! Хотя бы это чудовище поскорее поймали! Я же уснуть не смогу!

— Да, но на пароходе чудовища нет. И не было.

— А вы откуда знаете? Вы не из полиции случайно?

— Представьте себе, нет. — Собеседник графини смеялся, но глаза его оставались холодными и цепкими. Случайно бросив взгляд на эту пару — уж больно громогласно возмущалась графиня, — Владислава заметила, как он смотрит на эту женщину. И девушке невольно стало жутко. Она даже порадовалась, что так глядят не на нее.

Река медленно сделала поворот. Русло здесь расширилось, на несколько минут берега расступились далеко в стороны. Владислава прилипла к борту, зачарованная открывшимся простором, и вскрикнула от неожиданности, когда чья-то рука коснулась ее локтя.

— Мама!

— Твоя матушка плохо себя чувствует, — мягко произнес Михаил Чарович, становясь рядом. — Она прилегла в каюте. Не возражаешь, если я составлю тебе компанию?

Девушка передернула плечами и тихо отодвинулась.

— Ну куда же ты? — Отчим взял ее за локоть. — Почему ты меня избегаешь, Владочка?

Он всегда звал ее так, хотя девушке не нравилось это имя.

— Меня зовут Владислава, — отчеканила она. — И отпусти-
те мою руку!

— Странное имя выбрал для тебя твой отец, — заметил от-
чим, пропустив ее просьбу мимо ушей. — Это связано с ка-
кой-то семейной традицией князей Загорских?

Она покачала головой. Даже если бы ей и было что-то изве-
стно, ничего обсуждать с этим человеком не хотелось.

Пароход миновал поворот, и впереди показался городок.
Рядом, чуть выдаваясь в воду, красовалась пристань, выкра-
шенная белой и ярко-красной краской. Сами причалы были
коричневого цвета, а серая крыша, казалось, отражала небо.

Прозвучал гонг и почти сразу — гудок.

— Дмитров, — объявил Михаил Чарович. — Не желаешь
сойти на берег? Я хотел перекусить в рестораничке.

— Нет.

— Твоя матушка не может составить мне компанию. И я
прошу тебя.

— Нет!

— Ты ведешь себя ребячливо. Как тебе не стыдно? Я пыта-
юсь с тобой подружиться, но ты упорно меня избегаешь. Поче-
му, Владочка? Я к тебе так хорошо отношусь...

Внешне он действительно относился к девушке нормально,
но она ревновала его к памяти отца и не верила ни ласковым
словам, ни взглядам, ни подаркам, которыми князь заваливал
падчерицу. Она боялась этого человека и, если была такая воз-
можность, старалась держаться от него подальше. Но не здесь,
на пароходе, где даже в ее каюту нужно пройти, минуя ту, кото-
рую занимали мама и отчим.

Пароход постепенно сбавлял ход, и чем ближе была при-
стань, тем больше пассажиров появлялось на верхней палубе.
Поднимались даже те, кто путешествовал вторым классом. Пе-
ревесившись через борт, Владислава могла разглядеть скром-
но одетых женщин и мужчин, судя по всему, простых мещан
или чиновников, которые с нетерпением ожидали возможно-
сти сойти на берег. Там, во втором классе, каюты были теснее,
палуба уже и темнее, ее частично закрывала от солнца верхняя.
Внизу чаще звучал детский смех, визг и шум — тамошняя пуб-
лика отличалась общительностью.

Владислава не покидала палубу до последнего момента,
внимательно глядя, как медленно и плавно движется навстре-
чу пристань. Пароход шел не спеша, и казалось, что он стоит на

месте, а берег плывет ему навстречу. На пристани уже столпились рабочие, готовые принять швартовы. Оркестр на корме играл что-то легкое, под стать погоде и настроению.

Пароход тряхнуло только один раз, когда он, разворачиваясь боком, слишком резко сбросил ход. Кто-то из женщин вскрикнул от неожиданности. Владислава покачнулась, переступая с ноги на ногу — и тут же почувствовала, как ладонь Михаила Чаровича скользнула ей на талию.

— Ты не ушиблась? — заботливо поинтересовался отчим у падчерицы.

— Все хорошо. Отпустите меня!

— Погоди, сейчас он опять может тряхнуть. Лучше обопрись на меня.

— Я крепко стою на ногах, спасибо, — отрезала Владислава, крепче цепляясь за поручень.

— Никогда ни в чем нельзя быть уверенным, Владочка! — Он продолжал удерживать ее подле себя.

— Идите к своей жене, — сделала девушка еще одну попытку.

— Твоя матушка неважно себя чувствует. Сомневаюсь, что именно сейчас мое присутствие доставит ей удовольствие. Кроме того, с нею Манефа.

Манефой звали горничную, которую княгиня Елена взяла с собой в путешествие. Ютилась она в крошечной каморке, дверь в которую открывалась напротив каюты Владиславы. Собственной горничной в путешествии девушке не полагалось, и она была вынуждена либо делать все сама, либо ждать, пока у Манефы найдется для нее минутка. Горничная была искренне привязана к своей госпоже, находя время и для девушки. Не было сомнений, что она в случае чего в лепешку расшибется, но свой долг выполнит до конца.

«Царица Елизавета» подошла к пристани впритирку, вздрогнула последний раз, испустила негромкий короткий гудок и замерла. Закрепили швартовы, перебросили сходни, и самые нетерпеливые пассажиры стали сходить на берег.

Михаил Чарович продолжал удерживать Владиславу на месте.

— Отпустите меня, — напомнила девушка. — Мы уже стоим.

— Еще рано, моя милая. Ты же не хочешь толкаться среди толпы? Мы сойдем чуть позже, когда нам никто не станет мешать.

Они ступили на пристань в числе последних. К тому моменту Владиславе казалось, что рука отчима прилипла к ее талии навсегда. Воспользовавшись моментом, она отодвинулась, но совсем улизнуть не получилось — князь крепко и бережно подхватил ее под локоть.

— Ты не проголодалась? — заботливо поинтересовался он. — Мы можем заглянуть в ресторан. Надеюсь, там остались свободные столики.

— Нет, благодарю, — отрезала девушка. — Я хочу пройтись.

— Ты столько времени провела на ногах. Неужели не устала?

— Нет!

Они обошли выстроенный на пристани ресторан, сошли на берег. Дмитров располагался на возвышенности; от пристани и размещенных у самого уреза воды складов вверх по зеленеющему склону тянулась деревянная лестница. Вдоль берега в обе стороны проходила дорога. Первые домики стояли у самого края, их огороды располагались на склоне, уступами.

— Хочешь подняться в город? Мы будем стоять два часа, а потом двинемся дальше.

Владислава посмотрела наверх. Ей хотелось пройтись по твердой земле, но сама мысль о том, что ее будет сопровождать отчим, испортила всякую радость от прогулки.

— Нет. Я лучше здесь погуляю. У воды.

— Тебе еще не надоела вода? — шутливо усмехнулся отчим.

Девушка не ответила и не спеша направилась вдоль обочины пыльной дороги. Ей очень хотелось побыть одной, но Михаил Чарович шел рядом, поддерживая под локоть.

Засмотревшись на склоны — чем дальше от пристани, тем они были круче, так что даже огородов там не разбивали, — Владислава не заметила, как споткнулась о какой-то камень, и отчим тут же обнял ее за талию, привлекая к себе.

— Осторожнее, Владочка!

— Все в порядке. Отпустите меня!

— Ты слишком неосторожна. — Он прижал ее теснее. Одна рука по-хозяйски лежала на ее талии, другая медленно ползла по локтю на плечо. — У тебя, наверное, ноги устали. Давай-ка я тебя понесу!

— Нет! Что вы делаете? — Девушка уперлась ему ладонями в грудь, пытаясь отстраниться. — Отпустите!

— Ни за что!

Они отошли на некоторое расстояние от пристани, склады остались по другую сторону. Конечно, по дороге мог кто-то проехать, но, как назло, сейчас она была пустынна.

— Ваше сиятельство, это... это...

— Владочка! — Он смотрел сверху вниз, обнимая так крепко, что девушка не могла вздохнуть. — Ты ко мне несправедлива. Я забочусь о тебе изо всех сил. Я даже люблю тебя, а ты...

— Неправда! Вы любите мою мать!

— Совсем иначе, чем тебя. Ты такая нежная, юная, неопытная... Тебе всего семнадцать лет, ты совсем не знаешь жизни. Позволь мне быть твоим наставником, твоим наперсником, твоим другом. Не отталкивай меня! И ты сама поймешь... Я научу тебя всему.

— А как же моя мама? — слабым голосом запротестовала Владислава.

— Что — мама? Знаешь ли ты, что она сама попросила меня позаботиться о тебе?

— Мама? — От неожиданности девушка оцепенела. Она немного не так представляла себе материнскую заботу.

— Да, твоя мама... А теперь будь хорошей девочкой и не упирайся. Ты же не хочешь ее огорчить, особенно сейчас, когда ей нельзя волноваться?

— Моя мама, — вспомнила девушка, — она будет волноваться, что нас долго нет.

— Ну и что? Пароход будет стоять еще полтора часа. Мы все успеем.

— Что — все? Объясните!

Вместо ответа князь Михаил прижал девушку к себе и поцеловал.

В тот момент, когда его губы накрыли ей рот, Владислава от неожиданности оцепенела. Чего-чего, а этого она не ожидала. Когда отчим осмелел, попытавшись заставить ее открыть рот, и его язык скользнул по ее зубам, она очнулась и, взвизгнув, изо всех сил вlepила ему пощечину.

— Влада!

Девушка отпрянула, срывая с себя его руки.

— Влада, ты чего? — Он сделал шаг вперед, но она отскочила.

— Не приближайтесь ко мне! Как вы посмели? Что вы сделали?

— А что тут такого? Ты упрямо не замечала моих взглядов и намеков. Владочка, я наблюдал за тобой последние два с поло-

виной года. Я видел, как из девочки ты превращалась в юную и прекрасную девушку. Ты достойна не просто любви — ты достойна преклонения, обожания. Когда я представлял, как будут сражаться за твою благосклонность кавалеры, я сходил с ума от ревности и зависти!

Он сделал шаг, и девушка попятилась.

— А моя мама? Вы женаты на ней!

— Елена? Да, она мила, умна, красива. Но она — лишь твоя бледная копия. Да, мы соединены перед Богом и людьми, но, Владочка, если бы ты знала, как часто я корил себя за поспешное решение! Если бы я в первые дни нашего знакомства понял, что под внешностью гадкого утенка — помнишь, какой ты была в тринадцать лет? — таится прекрасный лебедь, я бы ни за что не стал флиртовать с твоей матерью. Я бы сделал все, чтобы ты полюбила меня и в положенный срок стала моей женой. Да, я виноват, я уже связан долгом... Но Господь меня покарал за поспешное решение. Ах, Владислава, если бы ты знала, как я страдаю, как терзаюсь! Дома, в просторных комнатах, мне как-то удавалось сдерживаться, но не сейчас, когда ты так близко, когда тебя отделяет от меня всего лишь тонкая переборка в каюте. Я страдаю, я мучаюсь, Владислава. Неужели в тебе нет ни капли ответного чувства?

— Нет!

— Ну тогда хоть капля жалости к бедному влюбленному?

— Пожалейте лучше мою мать. Она ждет вашего ребенка. Неужели вы его бросите?

Протянутые руки опустились, словно по ним ударили.

— Ты права, — промолвил Михаил Чарович таким тоном, что Владислава чуть было ему не поверила. — Я должен оставаться с твоей матерью. Так судил Бог, таков закон. Но если бы ты знала, как это тяжело! Если бы в тебе нашлась хоть капля сострадания, хоть немного нежности... Надеюсь, ты не выдашь Елене мою маленькую тайну? Она ждет ребенка, мы не можем ее волновать по пустякам.

— По пустякам? — вспыхнула девушка. — Вы пытались меня... пытались...

— Только поцеловать. Ничего более, и то потому, что не мог устоять перед твоей красотой. Теперь я вижу, что действовал в ослеплении, эгоистично, необдуманно. Ты простишь меня?

С этими словами он опустился перед нею на одно колено, прижимая одну руку к сердцу, а другую протягивая ей.

— Умоляю о милосердии, о моя прекрасная дама!

Владислава с тревогой оглянулась по сторонам, мечтая, чтобы на пустынной дороге показался хоть кто-нибудь. Нищий бродяга, бабы с ведрами, стайка босоногих мальчишек, телега... Как назло, никого.

— Прости меня или я не сдвинусь с этого места!

Девушка закусил губу. Мама и отец часто говорили ей о милосердии, о том, что прощать — долг всякого. И что нет такого преступления, которое нельзя было бы простить. Простил же ее отец, князь Владислав Загорский, свою неверную жену.

— Прощаю, — со вздохом согласилась девушка.

— Тогда пожмем друг другу руки? — Михаил Чарович все еще не вставал с колен.

Владислава заколебалась, но все-таки вложила свои пальцы в его ладонь.

Мужчина проворно вскочил с колен — девушка даже вздрогнула. Он улыбался, когда целовал ее запястье.

— Ну а теперь, в знак примирения, не пойти ли нам в ресторан? — поинтересовался он. — До отплытия еще есть время, и там наверняка найдутся свободные столики.

Владислава была готова идти куда угодно, лишь бы там были люди. Оставаться наедине с отчимом ей решительно не хотелось.

В ресторане играла музыка; почти все столики были заняты, но метрдотель нашел им один свободный. Расположение его было не совсем удачное — мимо постоянно ходили люди. Но Владислава была рада и этому, так она была уверена, что отчим не станет к ней приставать. Да и не все ли равно, где сидеть? Она вдруг обнаружила, что проголодалась, и налегала на поданный бефстроганов с удвоенной энергией. Помнится, мама все время высказывала ей, что девушке неприлично так много есть.

Отчим за едой помалкивал, руки под столом не распускал, и в глубине души Владислава была ему за это благодарна. Но как ей теперь жить? Как смотреть матери в глаза? Пока не выйдет замуж, она остается под властью родителей...

Родителей! Ну конечно же! Как можно было забыть? Ведь есть же ее родной отец, князь Владислав Загорский! Он жив и здоров и должен защитить родную дочь. Тем более что Владислава — единственная продолжательница фамилии. Интересно, она успеет написать отцу уже сегодня?

— Сколько времени?

Михаил Чарович вытащил на цепочке золотой «брегет», откинул крышку.

— До отплытия еще почти полчаса, без трех минут. Зачем тебе, Владочка? Мы отлично все успеем доесть. Нам еще должны принести бланманже и ликер. И мы, может быть, уговорим твою маму немного пройтись по пристани.

— Мне на почту надо.

— Отправить письмо? Что за блажь? Кому тебе писать?

— Моей школьной подруге, Анастасии Ланской. Мы состоим в переписке, но я давно не писала. А путешествие — отличный повод, чтобы возобновить переписку и...

— И письмо уже при тебе? Отдай мне, я передам.

— Нет. Оно... я его не закончила. Хотела дописать и отправить сразу...

— Не говори глупостей. Ты не успеешь, если будешь дописывать его в спешке. Лучше в каюте спокойно закончи письмо, а завтра утром на первой же остановке мы его и отправим. Не будем терять времени в ресторанах, а сразу отправимся искать почту.

Владислава прикусила губу. Она думала, что быстро добежит до почты, черканет пару слов на гербовой бумаге, опустит конверт в ящик — и станет ждать ответа. Казенная бумага должна убедить отца, что все серьезно. Что же делать, если отчим не собирается оставлять ее без внимания?

Громкий переливчатый рев прокатился над водой, ворвался даже в ресторан, заставив посетителей обернуться к двери.

— Мы опаздываем! — Владислава вскочила, от души благоговяя эту случайность. — У вас, наверное, часы отстают.

— Нет, погоди, не торопись. — Отчим схватил ее за руку. — Куда бежишь?

Половина посетителей ресторана встала и направилась к выходу. Владислава с Михаилом Чаровичем вышли вслед за ними.

Они ожидали увидеть, как пыхтит и гудит их пароход, готовый пуститься в дорогу. Но навстречу, с верховьев, натужно пыхтя и тарахтя колесами, двигался другой пароход, такой же по размеру, с широкой двойной полосой по борту — широкой красной и узкой зеленой. Трубы и поручни были выкрашены в черный цвет, и даже металлические части тоже были в краске. На носу красовалась надпись «Цесаревич Андрей». Он явно торопился, и издали послал предупредительный гудок. По-

том еще один и еще. Они слагали какой-то ритм, и, услышав его, Михаил Чарович нахмурился.

— Требуют позвать представителей власти.

— Что? — не поняла Владислава.

— Если я еще помню морские и речные сигналы, это значит: «На борту больные. Опасно!»

— Больные?

«Цесаревич Андрей» не стал подходить к пристани. Он бросил якорь чуть в стороне, перекрыв тем самым «Царице Елизавете» путь. Стало ясно, что о том, чтобы вовремя пуститься в путь, и речи нет.

Владислава боялась, что отчим сейчас напомнит про письмо — мол, пока суд да дело, допиши и отдай мне, а я отправлю. Но тот был так заинтересован другим пароходом, что, казалось, забыл о падчерице.

Предупрежденные начальником пристани, через полчаса, когда «Царице Елизавете» пора было уже отчалить, появились дрожки, где сидели врач, исправник и двое городских. Они пересели в лодку, которую кто-то успел подогнать к пристани, и решительно направились к пароходу, который застыл посередине реки.

Пассажиры «Царицы Елизаветы» столпились кто на обеих палубах, кто на пристани, и во все глаза смотрели, что происходит. Звучали тревожные и любопытные голоса:

— Интересно, а что случилось?

— Говорят, на борту парохода есть больные!

— Ужас! Надеюсь, ничего серьезного? Нет, что вы улыбаетесь? Есть же оспа, чума, холера, тиф... А вдруг там тифозные больные? Что же нам делать?

— А мы-то тут при чем?

— Ну как же? А зараза? Вдруг мы заразимся?

— Успокойтесь, нет никакой заразы. Мы же не на том пароходу.

— А что, если они сойдут на берег?

— И что тут такого?

— Как — что? Мы же будем рядом! Будем дышать одним воздухом с *этими*!

— Тогда не дышите!

— Вам бы все смеяться! А я ни минуты тут не останусь. Я сейчас же иду к капитану. Пусть снимается с якоря и скорее уплывает отсюда!

В толпе возникло движение — паникер старательно протискивался прочь. Ему что-то кричали вслед. Громко возмутилась какая-то женщина, которой он наступил на подол платья.

Отвлекшись на минуту на этого человека, Владислава просмотрела тот момент, когда на «Цесаревиче Андрее» произошли перемены. От борта отделилась лодка, стремительно направлявшаяся к берегу.

— Плывут! Плывут сюда! — слышались шепотки. — Интересно зачем?

— Держитесь от них подальше.

— О, еще один паникер! Да это городской.

— Сейчас у него и спросим.

Люди настороженно следили, как лодка подходит к пристани. Гребли два матроса с «Цесаревича Андрее». Они остались в лодке, а поднявшегося на пристань представителя власти засыпали вопросами, что да как.

— Спокойнее, господа, спокойнее, — отвечал тот, протискиваясь сквозь толпу. — Не напирайте!

— Это не эпидемия? Нет, не эпидемия? — высоким пронзительным голосом лепетал какой-то старичок.

— Нет, господа, все в порядке. Просто один из пассажиров найден мертвым.

Толпа шарахнулась в стороны. Кто-то перекрестился, кто-то потянул с головы шапку.

— Слава богу, слава богу! — повторял старичок, крестясь. — Как же хорошо!

— Чего ж тут хорошего? Человека ведь убили, — возразили ему.

— Слава богу, что мы-то живы останемся!

Владислава стояла в стороне. Девушка внезапно поняла, что осталась одна — отчима не оказалось поблизости. Убежал? Отправился успокаивать маму? Как бы то ни было, она радовалась передышке. Хоть несколько минут побыть без его назойливого внимания.

К представителю власти шагнул один из пассажиров. Услышав его голос, Владислава узнала того самого мужчину с холодными цепкими глазами, который каких-то два-три часа назад утешал некую графиню.

— Я из полиции, — коротко промолвил он. — Что происходит?

— Несчастный случай, — ответил городской. — Один из пассажиров найден мертвым. Врач констатировал, что...

— Я могу осмотреть тело и место преступления?

— А могу я узнать... э-э-э...

— Можете. — Мужчина полез во внутренний карман сюртука. — Вот мой паспорт и подорожная.

У городского глаза полезли на лоб, едва он бросил взгляд на бумаги.

— Третье отделение? В-вы? — прошептал он внезапно севшим голосом.

— Именно. Так что?

— Пр-рошу... — Служитель закона сделал широкий жест.

Владислава внимательно смотрела им вслед. Она лишь понаслышке знала о Третьем отделении Тайной канцелярии его величества, но слышала, что его представителей боятся все, даже обычные преступники. На вопрос, что же такого страшного было в Третьем отделении, округляли глаза и шепотом произносили одно-единственное слово: «Инквизиция». В гимназии девочки шептались, что инквизиторы всегда ходят в алых мантиях, чтобы не так была заметна кровь, а вот поди ж ты — с виду обычный человек в цивильном платье. Разве что подтянут и одет с иголочки — иные князья и графы не умеют так одеваться и держаться.

Отойдя в сторонку, чтобы ее не задевала толпа, девушка осталась ждать, посматривая на «Цесаревича Андрея». На пароходе пробили склянки, в это время «Царица Елизавета» должна была готовиться к отплытию. Но из-за непредвиденной задержки она пока оставалась у пристани Дмитрова. Краем глаза Владислава заметила капитана, он вышел на палубу и говорил с пассажирами. Все ее внимание было приковано к несчастному пароходу, и она одной из первых заметила, что лодка отчалила во второй раз.

Теперь в ней кроме городских были врач, исправник, инквизитор и еще один человек — судя по мундиру, старший помощник капитана. Два матроса бережно снесли и уложили на дно объемистый мешок.

— Плывут! Плывут! — опять зашевелилась толпа. — Смотрите, что там? Ах, не напирайте так! Сейчас все узнаем.

Первыми выбравшиеся на пристань городские постарались расчистить пространство от собравшихся любопытных. К пристани от города тоже спешили люди. Кто-то случайно заметил застывший на стремнине пароход, передал соседям, те —

дальше, в результате сюда стекалось много народа. Подоспевшая охрана еле сдерживала толпу.

— Что там? Что случилось? Ой, смотрите! Что это? Кровь?

Два матроса осторожно поднимали мешок, в котором, судя по всему, находилось человеческое тело. Ткань успела пропитаться чем-то красновато-бурым, и толпа хором вскрикнула, когда, сорвавшись, одна густая капля шлепнулась на доски настила.

— Это кровь? Кровь! Кровь! — зашептались в толпе.

— Успокойтесь, господа! — Холодный голос инквизитора легко перекрыл гул голосов. — Опасности нет. Все под контролем. Я не сомневаюсь, что уже через пару часов вы сможете продолжить путешествие и забудете об этом происшествии...

«А вот я — вряд ли», — могли досказать его холодные глаза, когда он обвел цепким взглядом толпу. Девушка задрожала, когда его взгляд скользнул по ее лицу, но инквизитор тут же отвернулся и принялся рассматривать других, прикидывая, раздумывая, запоминая, точно хотел сохранить в памяти лица абсолютно всех людей, находившихся в тот день и час на пристани и палубе парохода.

2

Он знал, что инквизитор его заметил. Ему было хорошо известен этот взгляд — тяжелый и вместе с тем задумчивый. Взгляд человека, который уже все про тебя знает и только не решил, как с тобой поступить — схватить сразу или немного подождать. Достаточно было, чтобы два взора — колючий, настороженный и деловито-расслабленный случайно встретились... и словно искра проскочила между ними.

Лясота помнил этот взгляд. Точно так же смотрели полицейские жандармы девять лет тому назад. Они еще только переступили порог, только посмотрели по сторонам, а он сразу понял, что это пришли за ним. Еще никто ничего не сказал, на него еще даже не обратили внимания, но уже жизнь закончилась. Девять лет назад его жизнь изменилась на «до» и «после»...

...после долгих месяцев одиночной камеры, когда днями не видишь человеческого лица, не слышишь ничьего голоса, а если и встречаешься, то только со следователем, были долгие

этапы пересылки. Шли пешком, стараясь держать строй, поддерживали свисающие с запястий цепи кандалов. Сначала их звон раздражал, потом к нему привыкли. Человек привыкает ко всему.

Лясота привыкать не хотел. Его осудили на десять лет каторги и двадцать лет поселений, но он еще по пути за Каменный Пояс дал себе зарок, что не останется в тайге до конца. Он сбежит. К ней, которая осталась там, во Владимире.

В пути было всякое. В деревнях местные жители выбегали навстречу «несчастненьким», как их звали. Девушки причитали, женщины молча качали головами, старухи просто и скупово совали в протянутые руки хлеб, крестили склоненные головы. Мужики снимали шапки. Иной раз вместе с хлебом подавали копейки и полушки. Раза два или три выпал гривенник. Все эти деньги Лясота ухитрялся прятать, скопив к концу этапа приличную сумму в три с полтиной рубля мелочью. Было бы больше, да приходилось делиться.

На каторге, толкая тачку и размахивая кайлом, он ждал, терпел, думал. К некоторым его товарищам по несчастью приезжали жены и невесты. Привозили гостинцы, вести с воли. Всякий раз, как проходил слухок о приезде очередной «подруги», у него замирало сердце — а вдруг это она, его невеста? Вдруг приехала, не вынесла разлуки? И всякий раз он ошибался. Но продолжал надеяться и верить. Вдруг она просто не знает, где его содержат? Вдруг только и ждет от него вестей?

Передать письмо на волю было делом почти невозможным. Ни бумаги, ни пера им не полагалось. Если что надо было отписать родным, приглашали писаря и тот писал под диктовку. Конечно, ничего опасного или крамольного против царя не выскажешь. Дозволялось лишь спрашивать о здоровье и в двух словах описывать свои просьбы. Когда на каторге появились женщины, стало немного легче — они передавали бумагу, перья и чернила каторжникам, писали сами, писали много, в том числе и сильным мира сего — губернатору Закаменья, министрам, самому царю во Владимир-Северный. Одна из них передала по просьбе Лясоты заветное письмецо, в котором он просил возлюбленную приехать и навестить его, бедного страдальца.

Ответ шел больше полугода. Несколько скурых строчек о том, что живы-здоровы, живут — не тужат, чего и ему желают, но приехать никак не можно. В конверт были вложены две руб-

левые ассигнации, хотя было сказано, что посылают пять рублей. «Украл», — подумал тогда Лясота. Ничего. И эти деньги прибавились к накоплениям. К тому моменту в вещах Лясоты хранилось почти пять рублей без нескольких копеек — в основном за счет подаваемой местными жителями милостыни.

Измаявшись ожиданием, Лясота не выдержал и на шестой год совершил побег. И, вдоволь поскитавшись по Закаменью, несколько дней назад на свой страх и риск перевалил за Каменный Пояс, чтобы вернуться к той, которую продолжал любить все эти годы...

Нет, этого не может быть! Не могли вести о его побеге дойти до Третьего отделения! Правда, ему пришлось потерять почти три года, кочуя по тайге. За это время весть о его побеге могла достичь кого угодно. Но ведь его никто не ждал на этом пароходе. Никто не думал, что у беглого каторжника могут найтись деньги и паспорт, чтобы купить билет. Ему бы идти с артелью рыбаков или пешком вдоль берега, а не плыть вторым классом на «Царице Елизавете». Но он спешил.

Это была третья его попытка, окончившаяся удачно. Остальные товарищи по несчастью с гордостью несли тяготы своей кары. Их уважали надзиратели и стороной обходили другие каторжане. Они были *политическими*. Они осмелились выступить против царя, создали тайное общество и выбрали вооруженное восстание, с оружием в руках пытались завоевать свободу для своего народа. Но в таких условиях нечего было и думать о побеге.

Лясота был исключением из общего правила. И не потому, что был более или менее виновен. Разделял их взгляды, готов был стоять до конца, не предав идеалов, за которые его товарищи и он сам хотели отдать свою жизнь, — этого довольно. Но один черт знает, как его дело оказалось среди остальных, его должны были судить отдельно. Товарищи пытались его отговаривать от совершения безрассудного поступка — он в результате замкнулся в себе. Молча ждал, терпел, копил силы, присматривался, готовился. Первый побег завершился, не успев начаться, — он попытался сначала избавиться от кандалов, и это было замечено. Была показательная порка, потом карцер, трое суток на хлебе и воде.

Второго побега пришлось ждать еще два года — пока не скончался царь, тот самый, и с легкой руки наследника престо-

ла всем ссыльным вышло послабление. Многим заменили ка- торгу вечным поселением, другим скостили сроки, третьим просто облегчили условия. Лясота воспользовался ситуацией и сбежал. Его отыскиали в одном из ближайших сел и отправи- ли по этапу дальше на север, в дикие места, куда даже биармы, местные охотники за пушниной, забредали от случая к случаю.

С биармами Лясота и ушел в последний раз. Прожил в их селении несколько месяцев. Потом на собачьих упряжках до- брался до городка, куда биармы свозили пушнину, сдавая ее перекупщикам. Нанялся помощником, сказавшись местным жителем. Больше года работал на одного купца за стол и кров и едва не на коленях умолил хозяина взять его с собой в обрат- ный путь, хотя бы до первого крупного города. Задержавшись там еще на год, сколотил кое-какой капитал, сумел выправить паспорт и рискнул перевалить через Камень, чтобы вернуться на родину. Его тянуло к любимой женщине. Ее имя он повто- рял как молитву, раз за разом вызывая в памяти ее лицо и отча- янный крик: «Я буду ждать! Я буду ждать!» И представлял, как она, стоя у крыльца, крестит его на прощанье и шепчет: «Я обя- зательно буду ждать!»

И вот теперь, когда долгий и трудный путь подходил к концу, когда до цели оставалось всего несколько дней на пароходе, его внезапно заметил инквизитор. Заметил и — Лясота не сомневал- ся — запомнил. А ведь, казалось бы, прошло столько лет...

Пароход гудел от голосов, назойливым гулом вползавших в уши. Из уст в уста передавалось, обрастая вымыслами, что буд- то бы на «Цесаревиче Андрее» совершено убийство, да не про- стое, а такое, что повергло в шок всех, кто увидел изуродован- ное тело. Будто бы убийца распотрошил жертву, содрал с нее кожу. «Там кровь! Все было в крови!» — шептали люди с таким видом, словно сами были тому свидетелями. Все сходились на том, что убийство совершило то самое чудовище, о котором пи- сали вчера и третьего дня газеты — мол, оно продолжает бро- дить по городам и весям, сея смерть и панику.

— А теперь, значит, до нас добралось! — вздыхали пассажи- ры. — Какой ужас! Что теперь делать?

— Ждать, — отвечали им. — Полиция поднята на ноги. Они поймают чудовище!

— Как?

— А вот так. Оно же сейчас на «Цесаревиче Андрее». Вы- шлют войско, солдаты на лодках подойдут к пароходу, выса- дятся на него и отыщут.

— А остальные пассажиры?

— А что им? В каютах запрутся и будут ждать освобождения.

— Интересно, что это за зверь?

Лясоте не интересны были эти разговоры. Собственная судьба занимала его намного больше. Если это правда и «Цесаревича Андрея» будут брать штурмом, тут в скором времени окажется много солдат. С ними придет полиция, и инквизитор непременно вспомнит о нем. Беглец помнил его проницательный взгляд — взгляд человека, который обо всем догадался, но не торопится отдавать приказ. Чего он ждет? Что Лясота сдастся сам? Или убежден, что бывший каторжник никуда не денется?

Полиция и солдаты прибыли через час, когда любопытствующие путешественники извелись от ожидания. Взяли две лодки, стоявшие у пристани, прихватили рыбацьи, усадив в каждую по десятку солдат и полицейских. Кто греб, кто держал наготове палаши и ружья.

В суматохе самое время было затеряться в толпе и незаметно сойти на берег, но, глядя, сколько на пристани полицейских, Лясота понимал, что момент упущен. Если бы знать заранее, он бы мог сойти с парохода в числе первых, а потом просто остаться на берегу с горожанами. А если сейчас начать прокладывать себе путь сквозь толпу, кто-то да обратит внимание. Тем более — это он понял, прислушиваясь к возмущенным возгласам остальных пассажиров, — им всем почему-то запретили покидать пароход.

Ничего не оставалось, кроме как стоять вместе со всеми на нижней палубе и наблюдать, как лодки обходят застывший на стремнине пароход. Как две из них отстают, борясь с течением, как остальные медлят, поджидая отставших, как потом солдаты и полицейские неловко карабкаются на борт, залезая друг другу на плечи, передавая заряженные ружья и палаши. Громкий согласный крик, вырвавшийся из десятков глоток, прокатился над рекой в тот миг, когда заряженное ружье одного из солдат выстрелило. В воду плюхнулось тело. Послышались возбужденные голоса: «Поймали? Схватили? Застрелили?»

«Его там нет!» — осенило Лясоту внезапно, когда он со своего места наблюдал за разбегающимися по палубе солдатами. Кто бы ни был убийца, содравший кожу с человека, он уже покинул пароход. Когда и как ему удалось улизнуть — неизвестно.

но. Не поэтому ли никого не выпускали с «Царицы Елизаветы»?

Убийца среди них? Чудовище перебралось с одного парохода на другой? Лясота украдкой огляделся по сторонам. Этого не может быть. Он бы почувствовал. Понял... Жаль, что он потерял большую часть того, что когда-то составляло часть его природы. Сохрани он хотя бы половину того, что в иные времена гордо именовалось Силами, все пошло бы по-иному. Вся его жизнь сложилась бы не так.

«И не было бы тех девяти лет», — сказал он себе и внезапно не к месту вспомнил старика-биарма.

Охотник, подобранный замерзающего чужака в лесотундре, отвез его в зимовье к местному шаману. Согбенный в три погибели старик долго смотрел на заросшего, грязного, тощего, почерневшего от пережитого парня, а потом тихо дотронулся коричневым узловатым пальцем до его лба, как будто пытался открыть невидимую дверцу.

— *Зря стараешься, старик,* — сказал тогда Лясота. — *Оно ушло навсегда. И мне теперь ничего не нужно, кроме...*

— *Ты сам не знаешь, что тебе нужно,* — к его полному изумлению, на чистейшем русском языке ответил тогда шаман. — *Придет время — поймешь. А оно здесь. Заперто, но здесь...*

— *Заперто,* — вынужден был согласиться Лясота. — *Навсегда. Ключ уничтожен.*

— *Ключ только потерян,* — поправил шаман. — *Придет время — ты его отыщешь. Пока — ешь, пей, живи. Будь гостем.*

— *А потом? Что потом, старик?*

— *Потом ты вернешься на прежний путь. Когда-то давно ты свернул не туда. Но скоро настанет пора, когда ты отыщешь нужную тропу.*

Привезший Лясоту биарм отвел чужака в свою ярангу, и уже там до сытого, размякшего в тепле беглеца дошло, что старый шаман не произнес ни одного слова вслух. Все, сказанное им, звучало у него в голове.

И вот сейчас, стоя на палубе парохода, он ясно ощутил и понял, что имел в виду старый шаман. Своя дорога. Когда-то Лясота много бы дал за то, чтобы еще раз ступить на нее. Но нужно ли возвращаться назад? Ему тридцать лет. За спиной почти девять лет — каторга, побег, скитания по Закаменью... А впереди его ждет любимая все эти годы женщина. Ее прощальный

взгляд и крик до сих пор сохранились в памяти. Где она сейчас? Жива ли? Ждет?

«Жива, — уверенно сказал кто-то внутри. — Ждет...»

И он не имеет права обмануть ее ожиданий.

Задумавшись, погрузившись в свои чувства, он внезапно ощутил кое-что еще. Волну неприкрытой злобы и холодного циничного расчета, долетевшую до него издалека.

«Это там!» — догадался он и устремил взгляд на «Цесаревича Андрея».

На пароходе было заметно оживление. Солдаты и полицейские сновали туда-сюда, заглядывая во все углы, распахивая все двери. Над водой далеко разносились приглушенные расстоянием звуки — топот ног, грохот и стук, голоса. Один раз кто-то закричал, потом раздался резкий хлопок выстрела. Зрители заволновались.

— Поймали? Схватили? Кто стрелял? — зашумели вокруг. — Эй, чего там происходит-то? Мне ж не видно!

На нижней палубе «Цесаревича Андрея» забегали солдаты и матросы. Слышался пронзительный женский крик — с какой-то пассажиркой случилась истерика. Лясоту возбужденная зрелищем толпа прижала к парапету, и он вынужден был схватиться за опорный столб, чтобы не упасть в воду. Мелькнула мысль, что это тоже выход — упасть, как бы удариться головой о борт и камнем уйти под воду. Плавал он хорошо. В этой суматохе не сразу закричат: «Человек за бортом!» Пока опомнятся, пока начнут искать тело, он отплывет далеко. Могло бы выгореть... Но момент был упущен. Зрители отхлынули в другую сторону. Но Лясота так и остался стоять у борта, держась за опорный столб и глядя на реку.

Он не мог отвести взгляда от воды. Почему-то синяя гладь, подернутая блестящей на вечернем солнце рябью, привлекала его внимание. Если бы не досадная задержка, «Царица Елизавета» уже часа полтора как отошла бы от пристани Дмитрова и двигалась дальше. Еще через два или три часа в кают-компании подали бы ужин. В сумерках наверху заиграл бы оркестр, а вдоль бортов зажгли фонари, и в ответ им замерцали бы сигнальные огни на бакенах. Музыка продолжалась бы до полуночи, и похожий на сказку пароход сбавил бы ход на самый малый, только чтобы не терять времени и как-то держаться против течения. Когда смолкла бы музыка, он бы мог...

Какая-то тень мелькнула в воде. Рыба? Такая большая?

Нет, в Волге водятся огромные сомы, осетры в три аршина¹, белорыбица и щуки, способные откусить руку. Но таких он никогда не видел. Рыбы так не плавают. Рыбы вообще так не выглядят, если уж на то пошло.

Извиваясь всем телом и загрывая воду передними конечностями, странное существо промелькнуло и ушло на глубину так быстро, что мысль о том, что это не рыба, пришла Лясоте уже после того, как оно пропало. Недоумевая, он протер глаза. Раньше ему случалось замечать то, что было скрыто от посторонних глаз, но это было давно, до того, как все случилось...

— Вы тоже это видели?

Незнакомый голос заставил подпрыгнуть от неожиданности. Лясота обернулся, уставившись на инквизитора, стоявшего в трех шагах от него. Холодные глаза излучали не только презрение ко всему человечеству, но и легкий интерес.

— Простите, что вы сказали? — Лясоте пришлось сделать над собой усилие, чтобы собеседник, чье лицо ему было знакомо, ни о чем не догадался.

— Вы видели это... существо? Интересное, не правда ли?

— Какое существо? Я ничего не видел! Я смотрел туда. — Лясота указал на пароход. Там все еще продолжалась возня, но суматоха, вызванная одиночным выстрелом, улеглась. — Интересно, поймают его или нет?

— Нет.

— Почему?

— Он ушел. И не говорите мне, что ничего не видели.

С этими словами инквизитор отошел, а Лясоту бросило в дрожь. Он помнил этого человека. Прекрасно помнил. Но узнал ли учитель бывшего ученика?

3

Мягкий стук лопастей и рокот мотора должен был успокаивать — «Царица Елизавета» четверть часа как отошла от пристани и теперь спешила изо всех сил, наверстывая упущенное. Но княжна Владислава не находила себе места.

Они втроем сидели в ресторане. Мама несколько пришла в себя — настолько, что села за столик и делала вид, что поглоще-

---

¹ Аршин — здесь: мера длины, равная 70 см.

на разделыванием жареного цыпленка. Княгиня Елена была бледна, ее потускневшие глаза вяло смотрели из-под припухших век. Она плохо себя чувствовала, и дочь старалась вести себя тише воды ниже травы, чтобы ее не раздражать.

За их столиком царило гробовое молчание, нарушаемое лишь звяканьем столовых приборов и время от времени плеском подливаемого в бокал князя Михаила вина. Для княжеского семейства здесь, в ресторане, был забронирован небольшой кабинет — отгороженный угол в стороне ото всех. Слышались приглушенные звуки оркестра, наигрывающего что-то медленное, спокойное. Звучали голоса — пассажиры тихо обсуждали дневное происшествие, но за столиком Загорских-Чарович не было сказано ни слова.

— Владислава! — внезапно позвала княгиня Елена, и девушка вздрогнула. Тишина оказалась нарушена слишком резко.

— Да, мама?

— Михаил Авксентьевич сказал мне, что сегодня днем ты была непочтительна с ним. — В беседах с третьими лицами княгиня Елена всегда звала супруга по имени и отчеству.

— Непочтительна? — захлопала глазами девушка. — Но...

— Не прикидывайся дурочкой, Владислава! — Княгиня отложила вилку и нож. — Михаил Авксентьевич пытается заботиться о тебе. Он любит тебя, а ты...

— А что я?

— Ты платишь ему черной неблагодарностью! Я воспитывала тебя в почтении и уважении к старшим, а что получила в результате?

— Но, мама, это совсем не то, что ты думаешь, — начала было Владислава, но поймала взгляд князя Михаила и осеклась. Этот взгляд был таким странным...

— А что я должна была думать? Что это сам Михаил Авксентьевич вел себя непочтительно с тобой?

— Да! — выпалила девушка.

— Ну, знаешь, моя милая, это уже ни в какие ворота не лезет! Ты ведешь себя крайне предосудительно! — распалилась княгиня. На щеках у нее заалели пятна лихорадочного румянца, что в сочетании с пигментными пятнами на лбу и висках делало ее лицо отталкивающе безобразным. — Ты смеешь оскорблять Михаила Авксентьевича, своего второго отца...

— У меня есть отец! Он жив и здоров, и другого мне не надо!

— Твой отец разбил мне жизнь, — парировала мать. — А теперь ее добиваешь ты. Как тебе не стыдно?

— Успокойся, Елена. — Князь Михаил накрыл ее ладонь своею. — Тебе вредно волноваться. Подумай о ребенке!

— Я постоянно о нем думаю. А эта неблагодарная мерзавка делает все, чтобы его не было на свете!

— Что? — От удивления Владислава не могла больше сказать ни слова.

— Да! Ты ревнуешь и нарочно выводишь меня из себя, чтобы я начала нервничать и потеряла этого малыша. Ты ненавидишь его! Откуда в тебе столько злости? Как тебе не стыдно?

Девушка сидела ни жива ни мертва, не в силах сказать и слова в свое оправдание.

— Молчишь? То-то и оно, правда глаза колет! — торжествовала мать.

— Тише, Елена, успокойся. — Михаил все гладил ее нервные пальцы. — На нас смотрят. Лучше выпей вина. Тебе станет легче... Эй, человек!

Половой наполнил бокалы, княгиня сделала маленький глоток. Бокал Владиславы остался нетронут.

— Что мне с нею делать, Михаил? — запричитала княгиня. — Она совершенно отбилась от рук. Я не знаю, что предпринять... Я потеряла дочь!

— Увы, милая моя, дети вырастают, — вздохнул князь Михаил. — С этим ничего не поделаешь. Если наша дочь уже настолько взрослая, чтобы не слушаться старших, есть, я думаю, только одно средство. А именно, позволить ей жить своей головой и своим домом.

— Что ты говоришь, Михаил? — зашипела княгиня. — Она будет жить одна? Это неприлично! Что подумают люди?

— Я имел в виду — выдать Владиславу замуж.

— Что? Как — замуж? — хором спросили мать и дочь.

— А вот так. У меня есть несколько подходящих знакомых молодых людей. Сразу после возвращения из путешествия мы устроим небольшой прием, так сказать, прелюдию к началу сезона — ты ведь пропустишь его большую часть из-за ребенка, — и пригласим туда всех кандидатов. Ты сама на них посмотришь, выберем достойного и сосватаем Владиславу еще до Нового года, чтобы сразу после рождественского поста сыграть свадьбу.

Девушка оцепенела.

— А пораньше никак нельзя? — поинтересовалась ее мать. — Мне как раз рожать перед Новым годом. Хочется хотя бы месяц пожить в тишине и покое.

— Это можно устроить, — кивнул князь Михаил как ни в чем не бывало.

— Но... — только и смогла выдать Владислава.

— Никаких «но», — отрезала княгиня. — Тебе уже семнадцать лет. Ты вполне созрела для замужества. Твоя бабушка вышла замуж в пятнадцать лет. Мне самой было шестнадцать, когда я встретила твоего отца.

— А моя бабушка вообще была просватана в четырнадцать лет, — вставил слово отчим. — Тебе тем более надо поторопиться, поскольку в ближайшие полтора года твоей матери будет некогда вывозить тебя в свет. Ты рискуешь остаться старой девой, если не поторопишься.

— Но я не хочу замуж! — попробовала возразить Владислава.

— Глупости. Этого все хотят, — отрезала ее мать. — И не смей мне перечить. Все решено, не так ли?

Она посмотрела на своего мужа, и тот кивнул головой.

— Да, и я обещаю устроить свадьбу в самые кратчайшие сроки. Уже через месяц после нашего возвращения из путешествия Владислава будет невестой, а там и до замужества недалеко. Кстати, — он наклонился вперед, подмигивая матери и дочери, — по стечению обстоятельств родственник одного из возможных женихов сейчас путешествует с нами на этом пароходе. И, если желаете, я сегодня же поговорю с ним. Мы вели какое-то время общие дела, и я думаю, его семейство не откажется возобновить прежние деловые отношения.

— Это было бы чудесно! — Княгиня Елена вытянула шею, рассматривая зал. — Кто это? Я его знаю?

— Конечно. Граф Антон Грибовский. — Михаил Чарович указал на столик в противоположном конце зала, где не спеша, обстоятельно, ужинала мужская компания. — Он путешествует с зятем и старшим племянником. А его младший племянник, Пафнутий, и есть, возможно, твой будущий супруг, Владислава.

— Который? — живо заинтересовалась княгиня. — Тот, что справа?

— Нет, левее. В тени. Они с братом буквально на одно лицо и...

— Хм... — Женщина помолчала, рассматривая компанию сквозь лорнет. — А он богат?

— Баснословно!

— Тогда мне нравится. Не хочешь посмотреть, Владислава?

Девушка сидела вполоборота к Грибовским и не отрываясь смотрела в свою тарелку. Обернуться и взглянуть на родственников жениха не было сил. Ей было тягостно находиться тут.

— Ты нас познакомишь? — поинтересовалась ее мать.

— С удовольствием, — с этими словами Михаил Чарович встал из-за стола.

Нет, это уж слишком! Владислава вскочила тоже.

— Ты чего? Неужели так не терпится?

— Я... пойду к себе, — пробормотала девушка. — Что-то мне нехорошо. Я, наверное, съела что-нибудь не то.

Мать посмотрела на почти полную тарелку дочери и с неудовольствием поджала губы.

— Не выдумывай! Что за...

В том конце зала ее отчим как ни в чем не бывало здоровался с Грибовскими. Раскатистый бас старшего перекрывал гул голосов и музыку. Он что-то спросил. Князь Михаил ответил, в ответ граф расхохотался. Обернувшись на смех, девушка заметила, что мужчины смотрят в ее сторону.

Порывисто схватив со стола свой нетронутый бокал, Владислава залпом выпила шампанское до капли.

— Мне нехорошо, — услышала она свой голос. — Я пойду...

— Сядь немедленно, — прошипела мать. — Как тебе не стыдно?

Но Владислава сорвалась с места, проталкиваясь к выходу. Чуть не налетела на полового, задела чей-то стул, пробормотала извинения и выскочила вон. Хлопнула дверь, отрезая ее от остального мира.

Смеркалось. Пароход, уже расцвеченный вечерними огнями, неспешно шел против течения, держась стремнины. Роко-тал мотор, с плеском шлепали по воде колеса. Из-за закрытой двери музыка почти совсем не слышалась, и Владислава в полной мере ощутила свое одиночество. Верхняя палуба была почти пуста, лишь одна или две неясные тени маячили в отдалении — такие же одиночки, не желающие, чтобы их заметили.

Девушка пошла вдоль борта, цепляясь за парапет, чтобы не упасть. Ее душили рыдания. Сейчас там, в ресторане, решалась ее судьба. Отчим непременно выдаст ее замуж просто для того, чтобы избавиться. И мать не защитит, наоборот, поглощенная заботами о ребенке, который через несколько месяцев появится на свет, она сама подтолкнет дочь покинуть ее дом.

На корме, куда она забрела, шум и плеск были намного громче, а освещение — слабее. Тянуло холодом и сыростью. Берега реки неспешно проплывали мимо; сумерки скрадывали очертания берегов, и, если бы не далекие слабые огоньки, уже трудно было бы определить, где расположены деревеньки.

Сквозь плеск и рокот девушка услышала, как кто-то зовет ее по имени. Желая остаться одна, она не ответила. Зов повторился, громче и тверже. Она отступила к самому краю. Дальше идти было нельзя — там располагались колеса. Холодные брызги летели с лопастей, обдавая ее с ног до головы.

— Владочка! — из темноты вынырнул зовущий ее Михаил Чарович. — Ты что тут делаешь?

— Не подходите ко мне! — Она прижалась к борту, спиной и шеей чувствуя летящие капли. Тонкие струйки влаги побежали за ворот. — Я закрычу!

— Глупости! — Отчим рванулся к ней, хватая за руку. Не успев ничего предпринять, девушка мигом оказалась в его объятиях. — Этого еще не хватало! Теперь ты понимаешь, к чему может привести твоё упрямство?

— Мое... что? — Девушка уперлась ладонями ему в грудь, пытаясь отстраниться. — Это... это низко!

— Владислава, — он сжимал ее в объятиях властно и решительно, — низко так поступать со мной и быть уверенной, что тебе все сойдет с рук. Низко ошибаться в людях. Низко играть чужими чувствами и быть уверенной, что никто не станет в свою очередь играть твоими. Ты считаешь себя жертвой обстоятельств? Но я сам такая же жертва — твоей красоты, твоей молодости, твоей нежности и грации, твоего обаяния... И твоя мать. Ты посмотри на нее, во что превратила ее беременность? Опухшие руки, пятна на коже, отеки, тошнота, нездоровый цвет лица. Она мучается, страдает и боится, что навсегда останется такой. И в это тяжелое время каково ей видеть рядом с собой свою молодую, красивую дочь? Подумай о ней! Подумай обо мне! Меня тянет к тебе, Владислава. — Он тяжело дышал, взглядом впиваясь в ее губы, и девушку пробирала дрожь страха и отвращения. — Так тянет, что я не могу с собой бороться. Я даже готов бросить твою мать ради того, чтобы быть с тобой...

— Нет! — вырвалось у девушки.

— Нет, — повторил он. — Тогда пойми, что это единственный выход: чтобы сохранить счастье своей матери, ты должна пожертвовать своим. В этом мире не бывает полного и абсо-

лютно чистого счастья — каждый всегда счастлив за счет кого-то другого. Мы с твоей матерью покупаем свое счастье, жертвуя тобой, ну а ты... Что мешает тебе потом пожертвовать кем-то еще?

Девушка поняла, что он говорит о ее будущем муже. Пожертвовать им? Это как? Бросить, как мама бросила ее отца? Значит, и княжну Елену когда-то выдали замуж за князя Загорского против воли? Не может быть! Как это все низко, мерзко, грязно!

Она невольно задумалась, утратила бдительность — и в этот миг князь Михаил опять ее поцеловал.

Это был совсем другой поцелуй. Поцелуй мужчины, знающего, что женщине некуда деваться, что она полностью в его власти, и он волен делать с нею все, что заблагорассудится. Опомнившись, девушка застонала, отворачиваясь.

— Владислава, — он не прекратил ее целовать, скользя губами по ее шее и вискам, — я не могу устоять... Будь моей! Вместе мы что-нибудь придумаем! Только согласись... Только скажи...

— Нет! Пустите, я закричу!

— Ты сама не знаешь, от чего отказываешься! Твоя мать ничего не значит для меня...

Не в силах больше терпеть, Владислава закричала.

4

Отчаянный визг расколол вечерний сумрак. Для торчавшего на палубе Лясоты это прозвучало как сигнал боевой трубы. Сидеть в каюте было невыносимо — замкнутое пространство давило на душу. В четырех стенах он чувствовал себя загнанным в ловушку зверем, лисой, забившейся в тупик своей норы и ждущей, когда же за нею придут охотники. На палубе создавалась иллюзия простора для действий, хотя он понимал, что так увеличивается шанс быть узнанным, опознанным и арестованным. И он стоял на нижней палубе, слушая шум, доносившийся из буфета и строя планы на будущее, когда услышал крик. Отчаянный, полный мольбы и ярости, он скоро оборвался звуком пощечины. Но в тот миг Лясота, уже не чуя под собой ног, взлетал через три ступеньки на верхнюю палубу.

«Идиот! Кретин! — успел еще обругать он себя. — И охота было...»

Наилучшим выходом было сидеть тише воды ниже травы, молясь, чтобы его не заметили. Но на палубе первого класса женщины не кричат просто так. А Лясота еще помнил, как он когда-то...

Инстинкт мгновенно вынес его на корму. Взгляд выхватил из сумерек две тени. Девушка отчаянно боролась с мужчиной. Она больше не кричала, но задыхалась от волнения и сдерживаемых рыданий.

— Я не помешал?

Вмешиваться не хотелось, как и драться. Да он и не собирался распускать руки — достаточно было просто нарушить их уединение и дать девушке шанс ускользнуть. Дальше пусть разбираются сами.

Расчет оправдался. Мужчина от неожиданности разжал объятия, и его жертва вырвалась, метнувшись прочь. Она инстинктивно кинулась к своему спасителю, и Лясота так же инстинктивно сделал шаг в сторону, сохраняя дистанцию. Ему не хотелось выступать в роли странствующего рыцаря, налево и направо спасающего невинных дев.

— Что вы здесь делаете? — воскликнул мужчина.

— Услышал крик, — лаконично объяснил Лясота, взглядом измерив расстояние между собой и девушкой, чтобы не дать ей приблизиться. — С вами все в порядке?

— Вполне, — вместо девушки ответил мужчина. — И должен вам заметить, милостивый государь, что вы нам мешаете.

— А мне кажется, ваша подруга только рада моему вмешательству.

— Да, — послышался ее дрожащий голос. — Я... очень благодарна вам, сударь.

Она шагнула к нему, и Лясота попятился, благословляя вечерний сумрак и отсутствие яркого освещения. Так меньше шансов, что эти двое запомнят его лицо, тем более украшавшую его особую примету — шрам на подбородке. Он уже ненавидел себя за этот романтический порыв, ему надо как можно дольше оставаться незамеченным, а вместо этого...

— Не стоит, — сухо ответил Лясота. — Все хорошо?

— Да. — Девушка бросила взгляд на так и стоявшего поодаль мужчину. — Я... пойду к себе.

— Останься, Владислава, — железным тоном приказал тот. — Мы еще не договорили!

— А по-моему, разговор окончен, — вмешался Лясота. — Если девушка не желает...

— Мне наплевать на ее желания, пока я — ее опекун!

— Нет! — воскликнула та. — Это неправда!

Лясота мысленно обругал себя последними словами. И надо же было так опростоволоситься! Одно дело — разнять посторонних, и совсем другое — встать между опекуном и сиротой, вверенной его попечению. Тем более, если девица несовершеннолетняя, закон всецело будет на стороне того мужчины. Он может подать в суд за нарушение своих прав, и когда узнают, кто такой Лясота Травник, путешествующий по чужому паспорту, его положение станет безнадежным.

— Я пойду, — он отступил к трапу. — Прошу извинить.

Девушка сделала было движение к нему, но он поспешил удрать.

Скатившись на нижнюю палубу, где было не в пример темнее, Лясота забился в самый темный угол. Ловушка — если это была она — смыкалась еще теснее. Не стоило вмешиваться. Его заметили. У судьбы на любой шаг есть ответный ход. Естественный порыв защитить слабого мог обернуться для беглеца с каторги полным провалом.

Надо было что-то делать. Оставаться на пароходе опасно. Но что предпринять?

Мысль работала четко, как часы. Побег. Только побег. Но как? Прыгнуть в воду? На пароходе услышат всплеск, поднимут тревогу. Дождаться ночи, когда все уснут, и действовать только тогда. А что потом? Вода сейчас теплая, да после Закаменских ледяных рек Волга покажется ему парным молоком. Если не попадет под гребные винты, он легко дотянет до берега, но окажется практически с пустыми руками. Куда деть полсотни рублей ассигнациями — все, что осталось от накопленных за год денег? А оружие? Побег не обставляется налегке, чтобы выжить и продержаться на свободе как можно дольше, надо подготовиться.

Тихий стук снаружи привлек его внимание. Как будто о бок парохода толкнулось что-то массивное. Стук повторился. Лясота подобрался к борту, посмотрел...

Лодка. Пришвартованная на короткий конец, она качалась на волнах впритирку с пароходом, и время от времени, поддевая волной, ударялась об него. Откуда она тут? Кто-то пытался догнать «Царицу Елизавету» и преуспел в этом? Или ее забы-

ли отвязать еще днем, когда стояли в Дмитрове? Искать ответы на эти вопросы некогда. Достаточно того, что лодка была крепкой и новой, хорошо просмоленной, с парой весел и рулем. То, что надо! Теперь оставалось только дожидаться, пока окончательно стемнеет, большинство пассажиров и команда отправятся спать, останутся только вахтенные, и можно будет улизнуть без помех. А пока у него есть около полутора часов, чтобы собрать вещи и как следует подготовиться. Как же жаль, что летом темнеет так поздно! Правда, лето уже перевалило за середину, но все равно остается слишком мало часов спасительной для беглеца темноты.

Тем не менее это время стоило провести с пользой. Пока не закрылся буфет, Лясота направился туда и, делая вид, что внезапно проголодался, запасся хлебом, сыром и ветчиной. Хлеба удалось добыть достаточно много — кроме фунта черного и полфунта белой булки ему посчастливилось стянуть с общих столов несколько надкусанных кусков. В тайге случалось питаться ягодами и семенами шишек, и он был уверен, что и в здешних лесах сумеет найти пропитание. Среди его вещей, которые он на всякий случай держал собранными, было практически все необходимое для выживания. К своему небольшому баулу Лясота добавил только украденное из каюты одеяло.

Последние минуты были тягостными. Он то присаживался на койку, то вскакивал и прислушивался, приложив ухо к двери. Раз или два ему померещились какие-то странные звуки — как будто кто-то полз по палубе, цепляясь за доски когтями и подтягивая мешковатое тело, — но он отнес это на счет разыгравшегося воображения. То, что когда-то составляло часть его естества, ушло навсегда. Старый шаман обещал, что все вернется, но не сказал, когда и как, и что для этого надо сделать.

Наконец склянки пробили полночь. «Пора!» — сказал себе Лясота. Еще несколько минут он, испытывая силу воли, оставался в каюте, а потом тихо выскользнул вон.

Пароход действительно засыпал. На верхней палубе еще раздавались голоса, но на нижней все было тихо. Публика, с которой путешествовал Лясота, привыкла ложиться спать рано, не то что бароны, князья и графы, которые иной раз бодрствовали до двух часов пополуночи. Однако музыка смолкла. Это было на руку беглецу, и он, прихватив дорожный баул и краденое одеяло, направился к тому месту, где его ждала лодка.

Большая часть огней на судне была погашена, и только на